

ПАРАДОКС О ЧУВСТВАХ

Элиза — Н. Палагушкина

С мелодии саксофона, спокойной и задумчивой (композитор **Виолетта Негруца**) начинается спектакль «Пигмалион» по пьесе **Бернарда Шоу**, премьера **Московского академического театра имени Вл. Маяковского**. В первые секунды действия режиссер **Леонид Хейфец** и художник **Владимир Арефьев** предъявляют публике все самое поверхностно-клишированное, что существует в наших представлениях об Англии. Эти предметы собраны в гигантской прозрачной музейной витрине: гвардеец в медвежьей шапке, черный роллс-ройс, уличный лондонский фонарь и туман, клубящийся и струящийся вдоль монументальной надписи, подтверждающей, что мы видим «Реальный Лондонский Туман».

Так в спектакль входит отчетливая ироническая и шутливая интонация, отмечающая размер временной дистанции, отделяющей нас от прекрасной и трагической эпохи Уильяма Морриса, Бернарда Шоу, Первой мировой войны. Подобное художественное решение освобождает создателей спектакля от необходимости «играть английскую жизнь», следовать за традициями многочисленных постановок известнейшей пьесы

Шоу, а также знаменитого мюзикла «Моя прекрасная леди» Фредерика Лоу, на долгие годы ставшего самой популярной версией этого сюжета. Леонид Хейфец, ощущая все смысловые линии действия пьесы Шоу, выбирает свой путь.

В «Пигмалионе» (жанр которого любитель парадоксов Шоу определил как «gotanpse», что в переводе на русский язык означает роман-фантазию, романтическую новеллу или романс) режиссер спектакля делает основной простую и понятную историю человеческих отношений, отношений мужчины и женщины, которые, переходя от эпохи к эпохе, всегда остаются живыми, а значит драматическими, трагическими и комическими одновременно.

Из-под груды пустых коробок и другого рыночного хлама выбирается Элиза Дулиттл — **Наталья Палагушкина**, похожая на взъерошенного воробья, готового к героической борьбе с любым неприятелем, посягнувшим на ее право присутствовать здесь, на площади Ковент-Гарден, чтобы продавать фиалки по несколько пенсов за букетик. Голосом, интонации которого леденят душу и знакомы каждому, кто пользуется общественным

Полковник Пикеринг — А. Лобозкий, Альфред Дулиттл — Ю. Соколов, Генри Хиггинс — И. Костолевский

транспортом, это маленькое замызанное существо пытается привлечь к себе внимание и продать хоть что-нибудь добропорядочной публике, пережидаящей дождь неподалеку.

Тут же появятся почти все участники действия, и возникнет блестящий актерский ансамбль, который неизменно создает Леонид Хейфец с поистине таинственным мастерством. Профессор Генри Хиггинс — **Игорь Костолевский**, вооружившийся блокнотом и авторучкой, во всем абсолютно лондонски-столичный, только некоторая нервная сосредоточенная угрюмость видится как знак неурядицы, неустроенности его внутреннего существования. Возможно, об этом же говорят свойственные Хиггинсу мгновенные, резкие вспышки чувств, спорящие с обликом преуспевающего ученого-лингвиста. В подобную минуту творческого безумия его озаряет мысль превратить только что вылезшую из-под пустых коробок Элизу в светскую даму и «герцогиню», выучив ее правильно говорить и прилично держаться.

Его недавний знакомый и коллега полковник Пикеринг — **Анатолий Лобозкий** несколько отстал от столичной жизни. Воз-

вратившись из далекой Индии, где он был погружен в изучение местных диалектов, Пикеринг с глубоким любопытством и доброжелательным изумлением словно бы разглядывает происходящее. Развивающиеся необычные события переживаются ими с настоящим мальчишеским азартом и объединяют двух совершенно несхожих героев духом непредсказуемой, отчасти романтической авантюры.

Подробности интриги становятся очевидными, когда вслед за Элизой, решившей осуществить свою мечту и стать продавщицей в цветочном магазине, к Хиггинсу является папаша Элизы, мусорщик Альфред Дулиттл. **Юрий Соколов** живописен в этой роли. Его Дулиттл — плохой отец и нахальный демагог, так естествен в своем безобразии, так рассудителен в своей циничной, во всех мелочах продуманной жизненной философии, так приветлив и лукав, что ему нельзя отказать в оригинальности. И в небольшой сумме, которую он тут же выпрашивает у Хиггинса.

Фигура Дулиттла ярко контрастирует с обликом экономки профессора миссис Пирс. **Людмила Иванилова** наделила ее (вполне

*Миссис Хиггинс — О. Прокофьева,
Генри Хиггинс — И. Костолевский*

Сцена из спектакля

в английском духе) элегантно сдержанностью, здравым смыслом и ясным умом, который нельзя обмануть никакими научными теориями. Процесс преображения девушки запущен, и в важный момент первых пробных светских выходов Элизы профессор прибегает к помощи своей матушки – миссис Хиггинс. **Ольга Прокофьева** играет в эффектно, остроумно созданном рисунке, включающем почти цирковые трансформации, ибо ее миссис Хиггинс должна быть уже в очень и очень преклонных годах. Поначалу зрители видят удобно расположившуюся в кресле, завернутую в пледы, хрупкую старушку. Вдруг вспомнив, что у нее приемный день и гости (миссис Эйнсфорд Хилл – **Александра Ровенских**, ее дочь Клара – **Юлия Самойленко** и сын Фредди – **Всеволод Макаров**) уже на пороге, пожилая леди мгновенно превращается в изящную светскую даму, как часто бывает, совсем без какого бы то ни было возраста. Поближе познакомившись с Элизой и проникательно оценивая ситуацию, она лучше всех понимает, что вместе с девушкой в жизни ее сына появилась большая проблема. Действительно, неожиданное открытие предстоит профессору Хиггинсу.

Отмытая «до красоты», причесанная и элегантно одетая Элиза Натальи Палагушкиной своим существованием ставит его перед чем-то непонятным, нематериальным, тем, что рационально трудно осознать. Она искренна, порывиста, открыта. В ней ощущаются острая потребность в душевном тепле и чувство достоинства. Редкий и трудный дар, без сомнения. Глубокие чувства, требующие равного им отклика. «Чувство собственного достоинства – вот загадочный инструмент, созидается он столетиями, а утрачивается в момент...» Сможет ли Хиггинс Игоря Костолевского изменить свои убеждения и изменить самого себя, двигаясь к большему и лучшему в своей жизни? Пьеса-фантазия Бернарда Шоу, поставленная на сцене Театра имени Маяковского, не имеет определенно благополучного конца, он только витает, как нереализованная возможность, как песенка, напетая Элизой. Английская поговорка о подобных историях говорит: «Печально, но правда». Вспоминается мелодия сакофона, спокойная и задумчивая, звучащая в начале спектакля.

Елена ЮСИМ
Фото Сергея ПЕТРОВА